
Глава 6.

1900 год

Буры разгромлены. Насилие доведено до конца. Мы хозяйничаем в Китае. Лихорадочно сооружается южная железнодорожная ветвь от Харбина к Мукдену и далее к Порт-Артуру. Организована Восточная компания океанского пароходства. Закладывается город Дальний. Все по договору с китайским правительством¹. Но народу Недвижного Китая наша экспансия не по нраву. Загадочный народ по-китайски вежливо улыбается, но за улыбкою нарастает клокочущий гнев. Боксеры...² Они вступают в Пекин. Громят иностранные концессии. Нападают на посольства, осаждают их. Германский посланник убит. Если не явится скорая помощь — беспощадная, беспримерная по жестокости китайская расправа угрожает всему дипломатическому корпусу с семьями, с охраною.

В Петербурге министр иностранных дел граф Муравьев всполошился, чувствует доигрался. В течение многих уже лет пьет много шампанского. От расстройств чувств приналегает на него не в меру. Надорванное шампанским режимом, преждевременно состарившееся сердце эксцесса не выдерживает. Наутро министр внезапно умирает от удара³. *Падает моноклъ. Беспомощно вытягиваются одетые в светлые гамашы ноги. Министра нет.* Воплощенного недоразумения, лихо набедокурившего, не стало. Управляющим ведомством назначается товарищ министра, кабинетный человек, никогда за границую по ведомству не служивший, по образованию камер-паж, *по склонности гомосексуалист*, балтийский помещик граф Владимир Николаевич Ламздорф. Товарищем министра становится князь Валериан Сергеевич Оболенский-Нелединский-Мелецкий, старшим советником на правах товарища министра — директор Азиатского департамента, упоминавшийся выше левантинец Базили, вскоре, за смертью, замененный совершенною уже бездарностью, посланником в Тегеране Кимоном Эммануиловичем Аргиропуло.

Боксеры обстреливают иностранные суда в Таку. Производят нападение на охрану нашей строящейся железной дороги. Теснят генерала Стесселя. На помощь ему спешит английский адмирал Сеймур. Под начальством Стесселя организуется из европейского десанта с участием японских войск международный отряд, отбрасывающий боксеров от Тяньцзина и форсированным маршем на-

правляющийся в Пекин на выручку иностранных миссий. Еле-еле поспел отряд. Боксерское восстание пока что благополучно подавлено. Для безопасности дороги и наших учреждений в Китае мы оккупировали Маньчжурию⁴. Усмирители боксеров пошарили и пограбили страну.

* * * * *

Еще зимою по заранее выработывавшемуся годовому расписанию дипломатических курьерских отправок выпала на мою долю поездка в июле курьером в Берлин, Париж и Лондон. Курьеры из чиновников центрального ведомства в порядке очереди по двое выезжали из Петербурга каждые две недели, один по пришедшемуся на меня маршруту, другой — от Берлина на Вену и Рим. Почта по другим назначениям передавалась далее нашими посольствами в перечисленных столичных городах. Заокеанская экспедиция сдавалась на океанские пароходы.

Накануне отъезда являюсь за инструкциями к директору канцелярии министерства Платону Львовичу Вакселю. «Дипломатический паспорт и курьерскую дачу деньгами на 1000 руб. на оплату в оба конца как вашего пути, так и багажа, сколько его окажется, вы получите сейчас. Разница идет на ваше содержание по командировке. Дипломатическая вализа и квитанция на сданный дипломатический багаж будут вам вручены курьером канцелярии на Варшавском вокзале перед отходом вашего поезда завтра в 11 час. вечера. Озаботьтесь только железнодорожным билетом. Возьмите его сами или поручите взять курьеру. Вализу с депешами иметь при себе. За нее вы отвечаете. Часть экспедиции будет от вас взята в Берлине, часть в Париже, остальное отвезете в Лондон. Там вы остаетесь три дня, чтобы забрать тамошнюю экспедицию нашего посольства, которую сдадите посольству в Париже. В Париже вы остановитесь на обратном пути на две недели. Предоставьте себя в распоряжение посольства на случай экстренных работ, в которых понадобится бы ваше участие. *От посольства получите, сверх дачи, за время пребывания в Париже по 4 р. 50 коп. суточных. Остальное скажут в Париже*». Вся эта тирада выпаливается Вакселем скороговоркою на французском языке. «Ясно?» — «Все ясно, — отвечаю я. — Но кому сдать вализу в Берлине? Я туда попаду в 6 час^{ов} утра, а в 8 должен ехать дальше в Париж. Посольство вследствие раннего времени будет, очевидно, закрыто. Как добраться хотя бы до одного из секретарей?» Ваксель делает круглые глаза. «Как, вы собираетесь будить этих господ? Что вы! Вализу вы сдадите на вокзале, по прибытии, рассыльному посольства Юлиусу, который будет вас встречать. Все знают Юлиуса». — «Но я-то ведь еду в первый раз. Юлиуса не знаю. Слышу о нем впервые. Я его не найду». — «Но он-то найдет вас и признает по вашей вализе, с которою хорошо знаком». — «А предъявит ли он мне хоть какой-нибудь документ, удостоверяющий, что я сдаю вализу именно Юлиусу, а не какому-нибудь немецкому шпиону? Мне ведь будет беспокойно». — «Милый друг, вы беспокоитесь напрасно. Сотни раз дипломатические курьеры сдавали так вализу и именно Юлиусу, и никогда никаких недоразумений не происходило. Поезжайте с миром. Всяких благ. Сейчас распоряжусь выдачею вам денег и паспорта. И то, и другое получите в казначейской части. Всего хорошего».

Задумчиво шествую в казначейскую часть, где получаю 1000 руб. На паспорт — большой лист пергаментной белой бумаги с государственным гербом — накладывается штемпельная государственная малая печать, и паспорт мне выдается. Иду на городскую станцию железных дорог, покупаю билет. Купил и все раздумываю о Юлиусе. Как это так, секретная переписка, *которую не решаются доверить даже шифру при условии передачи по почте или телеграфу*, и вдруг я должен сдать ее в Берлине какому-то совершенно неизвестному мне лицу, да еще немцу. Хоть бы русский был рассыльный у посольства! А то так вот и будет! Подойдет ко мне некий немец, скажет: а подайте-ка мне вашу вализу с наисекретнейшими документами, *интересными для немцев*. И я отдам. Прекрасно, пусть, в конце концов, подойдет ко мне и отберет вализу именно Юлиус. Мне представится возможным в этом убедиться, если то же самое лицо сдаст мне через час, через полтора вализу обратно, *соответственно облегченную изъятием почты, адресованной в Берлин*, и будет провожать меня далее в Париж. Но какая же, *уж не у меня, а у русского* Министерства иностранных дел гарантия в том, что, получив от меня вализу, немец Юлиус по дороге в посольство не зайдет в германское Министерство иностранных дел, где все документы будут вмиг сфотографированы. Ведь это может не произойти единственно в том только случае, если немцы знают наверно, убедились в том, что пересылаемые с дипломатической вализою наши секреты ровно ничего не стоят. Последнее мне представляется невероятным. Поэтому я никак не могу признать опасения мои неосновательными. Хороши, за всем тем, были порядки, при которых высылался русским посольством отбирать вализу от дипломатического курьера немец-рассыльный Юлиус, а не ответственный секретарь посольства, хотя бы и в 6 часов утра, всего-то один раз в две недели, да хотя бы и каждый день. Секретари могли бы чередоваться. «Что вы, что вы, — припоминается возглас удивленного и перепуганного П. Л. Вакселя, — как можно будить этих господ!»

На Варшавском вокзале встречает меня курьер канцелярии с пресловутою вализою в руках. Вализа представляет собою простой, но весьма объемистый брезентовый портфель с замком, закрытый на ключ, очень тяжелый. Бумаг, видимо, уйма. Курьер просит дать ему денег на отправку дипломатического багажа. «Сколько?» — «До Берлина. Там новая отправка. Много ящиков. Дайте 100 р. Может быть, будет сдача». Даю. Курьер уходит, оставляя мне вализу. У носильщика мой чемодан. *Задумываюсь*. Только до Берлина за багаж 100 р. А дальше? А обратный багаж? Сколько же мне останется от дачи на мои личные расходы по командировке за оплатою дорого стоящего проезда? И какой такой я должен везти багаж? Что, собственно, он собою представляет? *Спросить уже на вокзале у курьера счел неудобным*. Только в Лондоне, уезжая обратно, я получил ответ на последний вопрос. Мне любезно объяснили, что оттуда пойдут со мною два тяжелых ящика охотничьих ружей для великого князя Владимира Александровича, ящик с седлами и конской упряжью, отправляемый в Петербург послом бароном Стаалем его дочери, графине Орловой-Давыдовой, посылки разных дипломатов в Россию своим родным и друзьям и все в этом роде. Посылалось это именно с дипломатическим курьером, а не как-нибудь иначе, главным образом потому, что багаж, следующий с дипломатическим курьером, за дипломатическими печатями, повсюду пропускается на всех таможах без осмотра и беспошлинно, во-вторых, по той причине, что, поскольку оплачивать провоз багажа должен дипломатиче-

ский курьер, отправителю багаж может ничего не стоить. От доброй воли отправителя зависело возместить или не возместить дипломатическому курьеру расход за провоз подобного совершенно частного, отнюдь не дипломатического багажа. Я заплатил за багаж в оба конца что-то около 350 р. Говорили, мне не повезло. А получил в Петербурге через канцелярию министерства в возмещение моих издержек какие-то несчастные 10 р. от оставшихся мне неизвестными каких-то особо совестливых лиц. Остальной багаж, включая ружья великого князя и седла посла, прокатился за мой счет без возмещения. Из России за границу я, очевидно, вез аналогичный багаж великокняжеским родственникам, вельможный и дипломатический — родным, друзьям, просто знакомым отправителей.

Еду с тяжелою вализою, с тревожными мыслями по поводу предстоящей встречи в Берлине с Юлиусом, *далеко не в том приподнятом настроении, в котором всего какой-нибудь месяц тому назад ехал по той же дороге в деревню, в Ковенскую губернию, отдохнуть*. Проезжаю ночью Лугу, Псков, за день Двинск, Вильну, Ковну. К вечеру прикатываем к Вержболову. Осмотр паспортов. Эйдкунен, таможня. Предъявляю паспорт. Любезно пропускают, не осматривая и лишеного дипломатической неприкосновенности личного моего чемодана. Выезжаем из Эйдкунена уже незадолго до сумерек. Утром, без нескольких минут в 6 часов выхожу из вагона на Central Bahnhof у Фридрихштрассе с вализою в руке. Приближается ко мне партикулярно одетый, без пальто, в соломенной шляпе рослый светловолосый индивидуум с усами без бороды, военной выправки. Рекомендуются Юлиусом. Тянется к вализе. Я ее отдаю ему. Просит багажную квитанцию. Тоже даю. Советует зайти куда-нибудь выпить кофе, погулять. Времени еще много. 6 часов. А на Париж поезд идет с того же вокзала в 8 час<ов>. Просит только вернуться на вокзал не менее как за четверть часа до отхода поезда. Обещаю вернуться за полчаса. Интуитивно чувствую, что встретил меня именно Юлиус, а не кто-либо другой, предварительно изъязвивший Юлиуса. А что будет делать Юлиус с моею вализою до возвращения ее мне, это становится для меня уже безразличным. Опасения свои Вакселю я высказал, встретив с его стороны лишь недоумение по поводу показавшегося ему неуместным и наивным моего желания сдать секретную почту в надежные руки. И не мне, в ту пору маленькому чиновнику ведомства, было ломать издавна и прочно установленный канцеляриею министерства беспорядок, впоследствии, несколько лет спустя, все-таки обративший на себя внимание кого следует и в конце концов устраненный. Повидимому, однако, более приличия ради, ибо по существу, как довелось во благовремени осведомиться, пересылавшиеся с дипломатическою вализою наши секреты действительно мало чего стоили. Подлинные секреты шли шифрованными депешами, передававшимися по телеграфу.

Выпил кофе. Погулял по Фридрихштрассе и Унтер ден Линден. Порядок и чистота всюду образцовые. Вернулся на вокзал. Вскоре пришел Юлиус. Пошел сдавать багаж. Следую за ним. Вижу целую гору ящиков. «Дайте таллер (три марки)». Даю. Юлиус сует таллер весовщику. Шепчет мне: «Багаж пойдет за половину веса». Взятка. Немцы, стало быть, берут. Идем с Юлиусом наверх к рельсам. Примчался поезд. Останавливается ровно на одну минуту. Юлиус вручает мне вализу, наполовину уменьшившуюся в объеме, багажную квитанцию. Носильщик водружает в вагон мой чемодан и сажает меня на мое место. Локомотив свистит. Мчимся к Парижу.

В Париже утром меня встречает местный, парижский Юлиус. Тот немец. Этот француз. Опять никого из чинов посольства не вижу. Должен в это же утро ехать далее в Кале, оттуда пароходом в Дувр и из Дувра в Лондон на Виктория-стэшен. Уже беспрекословно, не расспрашивая и сам не задаваясь никакими недоуменными вопросами, сдаю вализу парижскому Юлиусу. *Несет он ее в посольство прямо, или предварительно зайдя во французское Министерство иностранных дел, этого я уже не касаюсь.* Переболел берлинским Юлиусом, и с меня довольно. Парижский Юлиус возвращается ко мне с еще похудевшею вализою. Отобрана почта на Париж. Сдает мне вализу и справаживает в Кале. Кале ничего интересного собою не представляет. Довольно грязный и неряшливый порт. Сажусь на пароход. Обычно пугают беспокойным переходом из-за морского волнения со всеми неприятными последствиями. Но погода дивная. Море спокойное. Сажу на палубе. Как только скрывается на горизонте, постепенно превращаясь в тающее облачко, французский берег, тотчас с противоположной стороны выплывает едва заметная полоска английского берега. Она быстро увеличивается и вырастает в высокий, нависший над морем откос Дувра. Поднимаемся. Наверху стоят наготове два поезда по одному и тому же назначению в Лондон, но в разные части города. Настолько он велик, что эти разные его части представляют собою отдаленные друг от друга как бы разные города. Сажусь в поезд по назначению на Виктория-стэшен у Виктория-стрит. Начинается бешеная скачка. Невозможно удержать в неподвижности ног своих. Их бросает из стороны в сторону. Поезд летит так, что, кажется, скатывается в бездну. Не замедляет хода и на закруглениях пути, настолько крутых, что вы вдруг видите мчащимся сбоку паровоз вашего же поезда. Вначале, с непривычки к такой сумасшедшей скачке, мысленно готовишься к представляющейся неминуемой катастрофе. Потом уравнидушиваешься. И тупо ждешь конца мучений. Читать невозможно. Если и ног не удержать, то тем менее удержишь в руках книгу. Да из-за тряски и глаз не остановишь на строках. Но всему приходит конец. Оканчиваются и два часа безумной скачки поезда. Влетаем в Виктория-стэшен. Появляется лондонский Юлиус в виде маленького скромненького старичка. Сдаю ему вализу и багажную квитанцию. Уж вечер. Обещаю зайти в посольство завтра поутру. Юлиус рекомендует пожаловать не ранее третьего часа.

Останавливаюсь в гостинице близ Виктория-стрит. Наскоро обедаю, беру ванну и заваливаюсь спать. Встаю поздно. После завтрака и небольшой прогулки беру кеб и еду в посольство. Посла в городе нет. Застаю советника Лессара, вскоре затем назначенного посланником нашим в Китае, умного, способного, дельного. Секретарей и атташе по случаю летнего времени и отсутствия посла никого нет. Кроме Лессара один только какой-то нештатный служащий, да старичок — лондонский Юлиус. После непродолжительной беседы с Лессаром покидаю посольство с тем, чтобы уже не возвращаться. На послезавтра поутру к поезду в Дувр назначается моя встреча на Виктория-стэшен с лондонским Юлиусом, который придет меня проводить, сдаст мне вализу и отправит следующий со мною багаж.

Остаток дня и весь следующий день посвящаю прогулкам по Лондону в кебе, проезжая по лучшим улицам, объезжая парки, сады, любясь величественными историческими зданиями, памятниками, утопающими в зелени берегами Темзы, перекинутыми через нее замечательными мостами. Погода дивная. На небе ни облачка. Не верится, чтобы этот залитый солнцем сияющий город мог в другую,

осеннюю либо зимнюю пору быть свергнут в темную ночь непроницаемых мгlistых туманов.

Из Лондона в Дувр поезд неся не с тою безумною скоростью, с которою примчал меня в великобританскую столицу. В Кале я сел на английский пароход. В Дувре меня принял на борт пароход французский. Переезд совершился и на этот раз в условиях прежней прекрасной погоды. Не было ни малейшей качки. В Париже на вокзале меня встретил знакомый уже мне парижский Юлиус.

Остановился в Hotel du Helder, на улице того же наименования между бульварами des Italiens и Hausmann, в самом центре города. Хорошо пообедав и переночевав, я на следующий день отправился в посольство. Посла Моренгейма в это время в Париже не было. Он отсутствовал, как отсутствовал в Лондоне его тамошний коллега барон Стааль. Но персонал посольства был почти весь налицо. Я застал в посольстве являвшегося в отсутствие посла поверенным в делах советника Нарышкина, первого секретаря Свечина, второго секретаря графа Бреверна де ля Гарди, нескольких атташе, в числе их молодого, словоохотливого Юрьевича. Вся компания из-за жаркой погоды в одних цветных рубашках, сняв пиджаки и жилеты, сидела на лишенных малейших признаков работы канцелярских столах. Не было на них и какой-нибудь одной завалящейся бумажки. А ведь накануне к вечеру я привез кое-какие бумажки из Лондона. Впрочем, бумага, как дичь, только тогда хороша, когда основательно вылежится. И на все свое время. Припоминается рассказ посла в Вене графа П. А. Капниста. Возвращаясь как-то утром в посольство после раннего выхода из него, встречает в дверях выходящего секретаря, хотя не умного, но отнюдь не наглого Н. Н. Стольшина. Посол извлекает из кармана полученную им депешу. Останавливает секретаря и просит сделать срочное исполнение. «Милый граф, сейчас это совершенно невозможно. От 11 часов до 12 я гуляю, а сегодня собираюсь к тому же взять после прогулки ванну. Распорядился, чтобы мне ее приготовили. Когда с прогулкой, ванной и завтраком покончу, отдамся в ваше распоряжение». Дипломатические нравы были, в виде общего правила, за редкими исключениями, столь утонченно любезны, столь чужды напрашивавшегося в настоящем случае всего менее любезного внушения, что остолбенелый посол не нашелся и, промолчав, поручил срочное дело другому своему сотруднику. Так вот было и сейчас. Собрались, сели на столы. Бумагами займутся потом. Сидели, болтая ногами, перебрасываясь замечаниями о вчерашних выходах в свет, о перспективах сегодняшнего совместного выступления где-то и у кого-то. Какие это выступления, мне не объясняют. Принять участие в разговоре о совершенно чуждых мне предметах не могу. И сразу делается скучно. Экстренною работою, которая требовала бы моей помощи в усиление переобремененного состава посольства, как видно, и не пахло. Поэтому, дабы не возбудить веселья, разделить которое с прилично искренностью мне было бы трудно, я от предложения сотрудничества воздержался. Завелся у меня разговор об общих знакомых со Свечиным и Юрьевичем. Поговорили о министерстве. Затем я перешел к недавно открывшейся в Париже всемирной выставке, на которой имелся богато представленный русский отдел⁵. Выразил желание подробно осмотреть выставку, а так как двумя делами заниматься одновременно нельзя, то заявил о намерении посетить вновь посольство только к концу моего пребывания в Париже. Оставил на всякий случай свой адрес, распрощался и ушел. Они продолжали сидеть на столах и болтали ногами.

Но они все были средне-достаточно образованы, прекрасно воспитаны, хорошо вымыты, подстрижены, подбриты, умели превосходно, со вкусом одеваться. Им был привит с детства изысканно-хороший тон. При этих их свойствах и качествах принадлежность к дипломатическому корпусу открывала им все двери. В этом отношении они представляли собою в глазах ведомственных верхов определенную ценность, потенциальную силу, умелое использование которой в дипломатических целях способно было давать результаты реального значения. Предполагалось, что, имея доступ в круги, в которых делается политика, они используют при случае возможность сойтись в этих кругах на приятельскую ногу с мужчинами, сблизиться с женщинами, влиять через них на их мужей, все доступное видеть и слышать, недоступное распознавать и все понимать. Ум выше среднего и таланты редки. Здесь они были в некоторой степени представлены одним только Свечиным. Но когда и они оказывались в сочетании с теми свойствами и качествами, о которых говорено выше, то обладатель их, если у него сверх того имелись еще опыт дипломатической работы, сила воли и настойчивость, представлялся начальству дипломатом, отвечающим требованиям призвания в исчерпывающей полноте. Не всем, правда, дано столь счастливое сочетание перечисленных свойств и качеств. За всем тем и того, чем данный персонал располагал, было в глазах начальства достаточно, чтобы признать за этим персоналом право на существование в ожидании умелого использования.

* * * * *

Париж конца прошлого столетия. Вновь выношу впечатление великолепия и красоты, сказочного богатства, доведенного до совершенства изящества и тончайшего вкуса во всех их многообразных проявлениях. И тут же вкраплены в закоулках, в боковых ответвлениях главных артерий в целых кварталах уродства, грязь, *свидетельства свойственного нации неряшества*, деградация, нищета. Неряшливость грязнит великолепие и центральных роскошных авеню, садов, парков, бульваров. С утра умытые, вычищенные как под скребницу, они поражают чистотою и свежестью. К вечеру повсюду выплески, плевики, мятая, рваная бумага, битое стекло, окурки, обгрызки фруктов, корки, шелуха, весь наслезанный сор пронесшихся людских потоков, *превращающие Париж в громадную плевательницу*. В жаркое время к вечеру со дворов несет удушливою претящую вонюю свиного хлева. Но, опять, ночной Париж в спасаемых от загрязнения и дурных запахов местах общественных собраний и увеселений чарующ и великолепен. Город неги, изящества, красоты, опьяняющих и пленяющих чувства эфффектов.

Прогулки повсюду и без конца. Не упущена поездка в *фиакре* в Булонский лес, в летнее время представлявший собою в ту пору агломерат сконфуженно поникших деревьев, чахнувших под густо покрывавшим их листву слоем городской пыли. Вид унылый и явление в значительной степени непонятное. В центральных парках Парижа такого явления не наблюдалось. Создавала впечатление картина не Булонского леса, отступавшего перед красотою петербургских островов, а традиционная прогулка в нем парижан. Великолепные экипажи. Изящные, красивые женщины в блеске богатых нарядов удивительного вкуса и красоты. Прогулки, прогулки. Сады, бульвары, чарующие и упоительные. Рестораны, от

стяжавших себе мировую известность и бессмертные имена до скромных Bouillons Дюваля, рассеянных в разных частях города. Кафе на бульварах. Кафе на улицах. Театры, Лувр, Трокадеро, Пале-Рояль, кабаки, шато-кабаки, кабачки, все, что полагается посетить в Париже, и всемирная выставка. Много, чересчур много выставки, до усталости и пресыщения. Прощальный визит в посольство. Две недели пронеслись. Уезжаю.

В Берлине не останавливался. Следуя точному и к исполнению обязательно-му расписанию курьерских поездок, должен был лишь, пересев в другой поезд, тотчас ехать в Петербург.

Приехал и впрягся в свою повседневную работу. Незаметно окончилось лето. Наступила и пронеслась осень, перешедшая в мокрую, слякотную зиму. Конец заканчивавшегося столетия традиционно связался с ожиданием светопреставления. Но *ждали его на этот раз вяло и бестрепетно*, господствовала интуитивно создавшаяся уверенность, что оно и на этот раз не состоится.